

УДК 348.(571.1/.5):1949/1952?

ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СИБИРИ (1949–1952 гг.)

А.В. Горбатов

ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет»

E-mail: gorb@kuzbass.net

Проанализирована история отношений между государством и организациями Русской православной церкви в Сибири в 1949–1952 гг. Рассмотрены административные и идеологические методы политики советского государства в сфере государственно-религиозных отношений.

Со второй половины 1948 г. в государственной церковной политике происходит отказ от конструктивного диалога с Русской православной церковью (РПЦ), когда имидж лояльного по отношению к церкви государства, в силу, прежде всего, внешнеполитических факторов, уже был не нужен. По этой причине партийная элита активизируется в направлении критического переосмысления церковной политики в 1943–1947 гг. и непосредственной роли Совета по делам РПЦ при СМ СССР. Проблемы взаимоотношения ЦК и Совета по делам РПЦ в 1948–1949 гг. обстоятельно рассматривают в своих монографиях отечественные историки М.В. Шкаровский [1] и особо детально и основательно Т.А. Чумаченко [2]. Мы же кратко выделим ключевые положения.

Основные претензии ЦК сводились к тому, что Совет в своей практической деятельности:

- переоценивает степень политической переориентации церковников, на деле ведущих тонко замаскированную антисоветскую деятельность;
- гиперболизирует позитивную роль РПЦ на международной арене;
- преувеличивает степень религиозности населения;
- излишне симпатизирует православному духовенству;
- не борется с нарушителями религиозного законодательства (под которыми подразумевались, несомненно, представители культа).

В общей сумме притязаний партийной номенклатуры к Совету, на наш взгляд, присутствовало два отчетливых акцента.

Первое. Прерогатива в сфере негласного управления и контроля РПЦ должна относиться к идеологическим структурам государства — ЦК ВКП (б) и, в частности, Отделу пропаганды и агитации.

Второе. Соответственно, Совет должен качественно перестроить свою политику по отношению к РПЦ, отказываясь от первоначально заявленных посреднических и координирующих функций, и обязан качественно трансформироваться в институт, управляющий церковью в интересах партии и социалистического строительства, в рамках существующего жесткого идеологического противостояния между научным атеизмом и религиозным мировоззрением.

Противостояние ЦК и Совета в целом органично отражало общую ситуацию в стране. Новый либеральный церковный курс был неоднозначно воспринят партийно-советским активом на местах. С одной стороны, у многих руководителей имелся опыт тридцатых годов, когда метод административного давления на церковь считался единственно политически верным, к тому же в силе оставались оценки классиков марксизма-ленинизма о религии как враждебной для пролетариата и трудящихся идеологии, правящий режим сохранял монополию на владение умами своих граждан. По свидетельству уполномоченного по делам РПЦ по Тюменской области, многие местные руководители считали, что с закрытием церквей в 30-х гг. вопрос с религией вообще давно закончен [3]. С другой стороны, церковь получила возможность существовать легально, религиозным объединениям предоставлялось все больше возможностей для расширения своей практики. Разрешить это противоречие мог далеко не каждый руководитель, возобладали инерция к новым подходам, старые догмы и стереотипы «антирелигиозной войны».

Тонко чувствующая настроения, превалирующая на «Старой площади», часть партийно-советской номенклатуры на местах посчитала, что теперь «руки развязаны» и можно приступить к старым и проверенным методам работы с религиозными организациями.

Беспрецедентная в данном контексте ситуация, в том числе на общесоюзном уровне, сложилась в Кузбассе. В Кемеровской области, имеющей на 25 районов 5 типовых церквей и 10 молитвенных домов, в течение одного года (с 1949 по 1950 гг.), без разрешения Совета, по инициативе местных властей, была осуществлена кампания по закрытию пяти зарегистрированных православных молитвенных домов в гг. Анжеро-Судженск, Сталинск, Гурьевск, Топки.

В г. Анжеро-Судженске православная община, затратив 600 000 р. приходских денег, осуществила постройку нового молитвенного дома. Разрешение на строительство и отвод земельного участка санкционировал горисполком, проект молитвенного дома утвердил главный архитектор города. При этом не были поставлены в известность уполномоченный, а также советско-партийное руководство области. Обнаружение церковного здания в центре города на возвышенности было неожиданным и

воспринято руководителями области как идеологическая диверсия. Накануне открытия храма городское руководство опечатаło здание и запретило производить в нем церковные службы под предлогом, что строительство якобы произведено без законного на это разрешения [4]. В результате молитвенный дом был закрыт, а православной общине предложено «перенести» его на окраину города.

4 апреля 1949 г. бюро обкома партии приняло постановление по вопросу строительства Анжеро-Судженской церкви. Жесткость принятых в результате мер наглядно отразила позицию властных структур области по отношению к религиозному вопросу. Были освобождены от занимаемых должностей как не справившиеся с работой уполномоченный по делам РПЦ по Кемеровской области (Ф. Узлов), зампреда и секретарь горисполкома. Большому количеству ответственных работников были объявлены партийные выговоры с формулировкой «за притупление политической бдительности». Областному прокурору было поручено провести следствие и привлечь к судебной ответственности лиц, незаконно построивших здание, а городскому комитету партии наметить мероприятия по усилению научно-атеистической пропаганды [5]. Оценивая данное постановление в контексте последующих событий, можно сделать вывод, что оно послужило негласной рекомендацией, неким «руководством к действию» для работников среднего и низшего звена о том, каким образом в дальнейшем строить свои отношения с религиозными объединениями, верующими и лицами, сочувствующими и помогающими церковникам.

В г. Гурьевске по указанию председателя горисполкома в апреле 1949 г. без разрешения Совета и рассмотрения вопроса в облисполкоме был закрыт Троицкий молитвенный дом. Основанием для этого послужило заключение, сделанное комиссией горисполкома по проверке выполнения религиозной общиной договора на пользование здания для молитвенного дома и предложение начальника пожарной команды. Комиссия, указав в акте, что договор, заключенный представителем горисполкома с религиозной общиной, не был зарегистрирован в нотариальной конторе, и потому не имеет законной силы, и, отметив недостатки дома в противопожарном отношении, пришла к выводу, что искомый документ является недействительным [6]. Необоснованность указанных мотивов была очевидной, т. к. договоры о передаче зданий в пользование общине не подлежат регистрации в нотариальном порядке, а для выполнения предложений пожарного надзора общине не только не был дан необходимый срок, как того требовало законодательство о культах, но и было запрещено устранять указанные недостатки.

В г. Сталинске (современный г. Новокузнецк) функционировали два православных молитвенных дома. В Старо-Кузнецком районе община РПЦ, с согласия архитектурного отдела горисполкома, по-

жарного надзора и госсанинспекции, в 1948–1949 гг. произвела пристройку (зал и алтарь) площадью в 96 кв. м. к Никольскому молитвенному дому. Однако летом 1949 г. решениями районного и городского советов молитвенный дом закрывается, здание передается в пользование артели инвалидов «Металлург», и основанием для данного нелогичного решения являются: незаконность приобретения и переоборудования строения, несоответствие техническим и противопожарным нормам безопасности [6].

Другое молитвенное здание в Молотовском районе было закрыто в декабре 1949 г. решением райисполкома, причем для этого использовались, очевидно, бесосновательные аргументы, например, такие как: не оборудован колодец для питьевой воды, помещение не вентилируется, не произведена штукатурка помещений.

В г. Топки накануне Пасхи горисполкомом была запрещена торжественная служба, а через неделю молитвенный дом был закрыт под предлогом ветхости, тогда как здание было построено менее двух лет назад, в 1947 г., а техкомиссия горсовета после его возведения вынесла заключение о пригодности.

Технология борьбы с православными общинами была достаточно шаблонной: следовало изъятие через суд, как правило, недавно построенного молитвенного дома, а бывшее здание закрывалось, в связи с незаконностью его приобретения, ветхостью или несоответствием техническим нормам. Община подавала ходатайство на приобретение здания и получала отказ. Отсутствие молитвенного дома со временем автоматически означало снятие общины с регистрации, а в последствие — ее ликвидацию или переход на нелегальное положение.

Грубые нарушения положений законодательства о культах, в том числе постановления СНК СССР «О православных церквях и молитвенных домах», запрещавшего закрытие зарегистрированных в установленном порядке церковью и молитвенных домов без разрешения Совета по делам РПЦ, вызвали поток жалоб в различные инстанции. Только в центральные органы из пяти городов поступили более 40 коллективных жалоб, из них на имя И.В. Сталина — 5. Аппарат облисполкома не реагировал на запросы и рекомендации Совета, а при телефонных беседах ссылался на директивы обкома партии. Митрополит Новосибирский и Барнаульский Варфоломей летом 1950 г. лично посетив в г. Москве Совет, оставил письмо: «Все мы, приставленные к этому делу беспомощны, местные власти ведут свое дело, чтобы закрыть маленькие очаги для собрания верующих ...» [7].

Стоит отдать должное аппарату Совета по делам РПЦ. Защищая интересы РПЦ, то есть, выполняя свои непосредственные обязанности, Совет обращался по поводу чиновничьего произвола к председателю СМ РСФСР Черноусову, прокурору РСФСР Баранову и в другие инстанции с требованием остановить администрирование. В 1950 г. Со-

вет командировал в Кемеровскую область заместителя заведующего инспекторским отделом, который на месте, ознакомившись с обстоятельствами и документами, информировал председателя облисполкома о незаконных действиях упомянутых городских и районных властей. Однако областное руководство, взявшее курс на сокращение религиозных общин, не считало необходимым выполнять указания Совета по делам РПЦ.

В пик обострения данного противостояния председатель Совета по делам РПЦ Г. Карпов в декабре 1950 г. обратился с письмом в Секретариат ЦК ВКП(б) к Г.М. Маленкову. Приведем фрагмент текста: «... за последние два с половиной года Совет имел возможность сократить часть церквей и молитвенных домов на 749, причем такое сокращение и другие ограничительные мероприятия прошли безболезненно и без острых реагирований, но в то же время отдельные случаи администрирования или другие ненужные или нелепые действия на местах вызывают раздражения и возмущение масс верующих, что имело, главным образом в Кемеровской области и Ставропольском крае. Если в Ставропольском крае в результате решения Секретариата ЦК ВКП(б) от 19/20 мая с.г. были приняты соответствующие меры, то в Кемеровской области обстановка, по мнению Совета, только обостряется. Начиная с марта 1949 г. в Кемеровской области *как нигде* (курсив автора) стали иметь место неединичные случаи грубого нарушения постановления СНК СССР № 1643-486/с от 1 декабря 1944 г., запрещающее закрытие церквей и молитвенных домов без разрешения Совета, а также другие административные действия» [7].

Анализируя часть данного документа, необходимо отметить два важных, на наш взгляд, обстоятельства. 1. Совет акцентирует, что проблема может разрешиться, если ЦК будет занимать в этом отношении ту продуктивную позицию, которая была продемонстрирована на примере Ставропольского края, тем самым, открыто отдавая несомненный приоритет партийной линии. 2. Совет позиционирует себя (несомненно, в политических и практических интересах) как сторонник сокращения православных приходов и ограничения их деятельности, хотя, в то же время, известно, что в указанный период инициативы о ликвидации церквей шли снизу, и Совету лишь оставалось постфактум фиксировать закрытия.

Стоит добавить, что в указанном конфликте ЦК фактически выступал явно не на стороне Совета. Как мы отмечали, облисполком, отмечая претензии Совета, апеллировал к обкому партии, а последний, очевидно, имел поддержку в ЦК. В частности, работники аппарата секретариата ЦК в своей записке М.А. Суслову докладывали, что изучение вопроса на месте обнаружило следующие проблемы.

Первое. В начале 1949 г. обком столкнулся с многочисленными фактами крещения детей в семьях коммунистов, и эти аморальные поступки

возникли в результате запущенности идейно-воспитательной работы.

И второе. Обком, мобилизуя ресурсы на усиление антирелигиозной пропаганды, не заметил... администрирования.

Общее резюме. Учитывая, что Кемеровский обком принял необходимые меры к устранению необходимых недостатков «считали бы возможным на этом ограничиться, не принимая каких-либо дополнительных мер» [7].

Если общины гг. Топки, Анжеро-Судженска, Сталинска (Михайло-Архангельский молитвенный дом) под давлением Совета со значительными материальными издержками возобновили свою деятельность, то будущее приходов г. Гурьевска и Никольского молитвенного дома в г. Сталинске вплоть до 1952 г. оставалось неопределенным.

В трехлетнем конфликте руководства Кузбасса и Совета по делам РПЦ было найдено «соломоново решение». В марте 1952 г. принимается резолюция Совета по делам РПЦ: «Согласиться с предложением Кемеровского облисполкома о нецелесообразности возобновления деятельности молитвенного дома в г. Гурьевск». Просуществовав официально менее трех лет, Гурьевская православная община была распущена, молитвенный дом разрушен. В январе же 1953 г. Кемеровский облисполком, уступив требованиям Совета по делам РПЦ, в директивном письме Сталинскому городскому совету предложил «не препятствовать церковной общине для покупки здания под молитвенный дом» [8].

В итоге, только после активного вмешательства Совета удалось частично восстановить статус-кво, фактически у всех преследуемых приходов недавно построенные молитвенные дома были национализированы, общины были вынуждены искать им замену.

С изменением политической конъюнктуры обостряется проблема «периферийных» приходов в Сибири. В Тюменской области властями ликвидируются два прихода под предлогом их бедности, «бесперспективности» и минимальной посещаемости. Здесь стоит согласиться с Т.А. Чумаченко, что закрытие церквей в сельской местности в данный период следует рассматривать не столько как итог осуществления антирелигиозной деятельности правительства, а скорее как результат государственной политики по отношению к деревне [2]. Жесткая налоговая политика, символическая оплата колхозников, засухи и неурожай — все это подрывало саму возможность существования сельских приходов, жизнедеятельность которых обеспечивалась прихожанами. Так, уполномоченный по Тюменской области докладывал Совету, что в четырех приходах, находящихся на севере, ситуация просто безнадёжная, священники эти районы с малым количеством прихожан считают ссылкой и бегут. На начало 1949 г. из десяти церквей в сельской местности в шести не было настоятелей. По причине нехватки кадров (выбыло восемь, прибыл один священник) пришлось рукоположить в сан двух псаломщиков

[9]. Схожие тенденции наблюдались в других сиби́рских регионах. В Красноярском крае на конец 1948 г. три церкви фактически не функционировали ввиду отсутствия священников и были сняты с регистрации уполномоченным в 1950 г. [10]. Петропавловская церковь в с. Буря Иркутской области из-за скудости доходов и отсутствия священника с осени 1949 г. не действовала. Несмотря на то, что даже архиепископ особо не возражал против ее закрытия, решение о снятии общины с регистрации было принято только в 1956 г. [11]. По аналогичной причине закрывается церковь в Ульяновском районе Омской области [12].

Определенным индикатором изменившегося положения в государственно-церковных отношениях явилось то, что освобождаются уполномоченные по делам РПЦ, излишне лояльно, с точки зрения партаппарата, относящиеся к «церковникам». Так, бюро комитета ВКП(б) Красноярского края своим постановлением от 19 июля 1950 г., освободило от работы уполномоченного по основному мотиву — «поведение Н. Гусева во многих случаях не было направлено на сужение деятельности церковников ..., встал на неправильную позицию защиты церковников и помощи им ..., не использовал своих прав и не закрывал церкви ...» [13]. Иная реакция была у председателя Совета по делам РПЦ Г. Карпова: «Совет считает т. Гусева серьезным работником, выделяющимся среди остальных уполномоченных Совета областей Сибири и Дальнего Востока, и не видит оснований для освобождения его от работы». Как и в случае с закрытием молитвенных домов в Кемеровской области, ЦК партии принял сторону региональных властей, поддержав решение крайкома [14].

Подвергался аналогичной критике со стороны аппарата МГБ уполномоченный по Тюменской области И. Тихомиров. В 1948 г. он снял с регистрации двух священников, которые своим аморальным поведением компрометировали себя. «Тихомиров, вследствие своей политической ограниченности не понимает того, что, проводя чистку церкви от попов, пьяниц и развратников, он по существу стал на путь укрепления религии» [15]. Вероятно, Тихомирова постигла участь кемеровского и красноярского коллег, т. к. начальник управления МГБ обратился со спецсообщением к секретарю обкома об освобождении уполномоченного от занимаемой должности.

Критика и увольнение указанных уполномоченных нам кажется также не случайной потому, что именно в регионах, где они работали, количество зарегистрированных православных обществ в Сибири было наибольшим. Можно предположить, что предпринятые административные решения были продиктованы желанием партийно-советского аппарата как оправдаться перед вышестоящим руководством за запущенность антирелигиозной пропаганды, так и расправиться с политически

«незрелыми» уполномоченными за излишнее усердие в помощи церковному движению.

Местные власти активно противодействовали любому проявлению религиозной активности духовенства и верующих, что также являлось наглядным проявлением изменившегося положения в государственно-церковных отношениях. Верующие Верхотомской Вознесенской церкви в Кемеровской области были вынуждены периодически осуществлять ремонт молитвенного дома, т. к. техническое состояние постоянно не устраивало приемную комиссию — храм закрывали. Тюменский краеведческий музей располагал большим количеством предметов облачений (ризы, стихари, поручи, воздухи), которые ценности не представляли и от неправильного хранения приходили в негодность. Но на просьбы приходских советов о передаче бывшего церковного имущества руководство музея отвечало неизменным отказом.

Отменяются ранее положительно принятые решения областными и городскими администрациями по ходатайствам епархий. Например, нам ничего не известно о существовании в указанный период свечных заводов в гг. Омске и Кемерове или кемеровской кладбищенской часовни, открытие которых ранее было санкционировано.

Иногда противодействие носило ожесточенный, открыто неправомерный характер. В таких случаях, как правило, следовало вмешательство Совета и уполномоченных на местах. Так, председатель сельсовета дер. Шумилово Тогучинского района Новосибирской области 15 мая 1951 г. изъял у верующих икону и изрубил ее в сельсовете, т. к. «опасался, что ее могут выкрасть, и опять верующие будут собираться на молитву». Вопрос об оскорблении чувств верующих разбирался новосибирским обкомом партии, который принял решение об улучшении научно-атеистической пропаганды в области [16].

В ответ на запрос патриарха Алексея от 28 февраля 1949 г., Совет отказывает в открытии духовной семинарии в г. Новосибирске, ссылаясь на то, что количество церквей, функционирующих в Сибири и на Дальнем Востоке, незначительно (всего на 1949 г. — 130), а также на возможность подготовки духовенства в имеющихся учебных заведениях [17]. Отрицательное решение уполномоченного получают монахини (около ста человек) из гг. Тюмени и Тобольска на запрос об открытии женского монастыря.

Поступательно, шаг за шагом запрещаются крестные ходы, службы вне стен храмов, разъезды духовенства по населенным пунктам, ограничивается колокольный звон. Фиксируются аресты священнослужителей. Так, в 1949 г. был осужден, по данным М.В. Шкаровского, на 10 лет епископ Красноярский за то, что он «спровоцировал» дочку коммунистки «преподнести от имени пионеров» торт прибывшему в город митрополиту Новосибирскому Варфоломею [1].

Резюмируя, отметим следующее. В сельских районах Сибири закрываются православные обществу по причине тяжелого финансового положения, низкой посещаемости и вследствие этого, отсутствия священников. В 1949–1950 гг. в Кемеровской области разворачивается широкая кампания по закрытию зарегистрированных религиозных объединений, вследствие которой окончательно ликвидируются Троицкий молитвенный дом в г. Гурьевске, многие приходы приостанавливают свою деятельность. Только активная позиция Советов по делам РПЦ и, частично, их уполномоченных на местах в защите интересов верующих позволяет предотвратить закрытие целого ряда православных церквей. После кратковременного «потепления» в церковной политике появляются первые рецидивы ограничительных тенденций со стороны партийно-советского аппарата на местах. Руководители районных и городских уровней, как правило, непосредственно являясь инициаторами закрытия общин, одновременно провоцируют конфликты тем, что сначала санкционируют покупку, аренду, строительство и т. д., а

затем отменяют свои решения. Обкомы поддерживают инициативы председателей гор-, райисполкомов, однако, в отличие от последних, стремятся разрешить конфликты в рамках существующего законодательства. В то же время отчетливо проявляется противостояние между Советом по делам РПЦ, выступающим за поступательное развитие государственно-церковных отношений, и поддерживаемым ЦК советско-партийным руководством регионов, предпочитающим конфронтационный путь. Начиная с 1948 г. Советом не производится открытие церквей по ходатайствам верующих, и с этого времени численность храмов РПЦ в Сибири имеет тенденцию к снижению. Совет по делам РПЦ вынужден подстраиваться под новый курс, в то же время его деятельность еще остается серьезным сдерживающим фактором в области администрирования по отношению к православным приходам. Сложившуюся в данный период ситуацию можно характеризовать как «холодную войну», когда наступление на религию не санкционировано внешне, но противостояние уже объективно наличествует.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шкаровский М.В. Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве. – М.: Крутицкое Патриаршее подворье. Общество любителей церковной истории, 2000. – 345 с.
2. Чумаченко Т.А. Государство, православная церковь, верующие. 1941–1946 гг. – М.: Агро-XX, 1999. – С. 133–134.
3. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). – Ф. Р-6991. – Оп. 1. – Д. 354. – Л. 120.
4. ГАКО (Государственный архив Кемеровской области). – Ф. Р-964. – Оп. 2. – Д. 10. – Л. 169–173; Оп. 1. – Д. 3. – Л. 78–79; Ф. Р-75. – Оп. 7. – Д. 73. – Л. 67–69.
5. ГАКО. – Ф. Р-75. – Оп. 2. – Д. 323. – Л. 40–44; Оп. 7. – Д. 164. – Л. 81–82; Ф. Р-964. – Оп. 2. – Д. 1. – Л. 269–272.
6. ГАКО. – Ф. Р-75. – Оп. 7. – Д. 73. – Л. 66–68.
7. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). – Ф. 17. – Оп. 132. – Д. 497. – Л. 2–10.
8. ГАКО. – Ф. Р-964. – Оп. 2. – Д. 5. – Л. 25, 235; Д. 10. – Л. 170–171; НФ ГАКО (Новокузнецкий филиал государственного архива Кемеровской области). – Ф. Р-1. – Оп. 4. – Д. 58. – Л. 55.
9. ГАРФ. – Ф. Р-6991. – Оп. 1. – Д. 354. – Л. 78–79.
10. ГАРФ. – Ф. Р-6991. – Оп. 1. – Д. 309. – Л. 59; ГАКК (Государственный архив Красноярского края). – Ф. Р-2384. – Оп. 1. – Д. 112. – Л. 1–5.
11. ГАИО (Государственный архив Иркутской области). – Ф. Р-2951. – Оп. 1. – Д. 21. – Л. 124–150.
12. ГАОО (Государственный архив Омской области). – Ф. Р-2603. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 55.
13. ЦХИДНИ КК (Центр хранения и изучения документов новейшей истории Красноярского края). – Ф. 26. – Оп. 22. – Д. 1. – Л. 174.
14. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 132. – Д. 285. – Л. 122–125, 138–141.
15. ГАОПОТО (Государственный архив общественных и политических объединений Тюменской области). – Ф. 3894. – Оп. 2. – Д. 6. – Л. 65–67.
16. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 132. – Д. 497. – Л. 167.
17. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 132. – Д. 111. – Л. 151.

Поступила 30.06.2006 г.